

Глава 14

Зимородок, примостившийся на ветке, встрепенулся при звуке открывающейся двери. Заметив людей, снующих туда-сюда, он поспешно взмахнул крыльями и улетел прочь.

Во Дворе Восходящего Солнца евнух Чэнь, повинувшись приказу своего господина, вошел в покои, чтобы принести свежее платье. Пока он доставал одежду из привезённого багажа, Янь Хуай уже успел выйти. Наследный принц, скинув верхние одежды на ширму, остался в одном нижнем платье. Его высокая, стройная фигура замерла за полупрозрачным шелком; он неспешно омывал руки в тазу с чистой водой.

Чэнь Дэшунь знал, что Его Высочество плохо переносит холод, поэтому, как только тот вытер руки полотенцем, евнух поспешил вперед, чтобы помочь ему одеться.

Чу Юй опустил веки. Та нежность, которую он только что выказывал Цзи Линьси, исчезла бесследно, сменившись маской холодного безразличия. Он молча вытянул руки, позволяя Чэнь Дэшуню облачить себя в новые одежды.

Евнух тем временем всё ещё не оставлял попыток вразумить господина.

— Ваше Высочество, ту девушку и её семью, конечно, жаль, но мертвых не вернуть. Даже если семья Ван понесёт наказание, она не воскреснет. Старый раб знает о вашей доброте, но ссориться из-за этого с канцлером Ваном... право слово, оно того не стоит.

— Ван Хэ должен умереть.

Эти тихие, ровные слова сорвались с мягких губ принца подобно приговору.

— Ваше Высочество...

Чу Юй слегка повернул голову и искоса взглянул на слугу. На его лице промелькнула едва заметная усмешка:

— Чэнь Дэшунь, если ты прямо сейчас хочешь вернуться к моей матушке, я исполню твоё желание.

Лицо евнуха мгновенно побледнело. Он тут же рухнул на колени, моля о прощении. Его прислала императрица; он с малых лет заботился о принце, и если тот прогонит его, государыня сочтёт его никчёмным. И хотя она могла пощадить его, помня о старых заслугах, о будущем в столице можно было забыть.

Лишённого мужской силы человеку только и оставалось, что карабкаться вверх по служебной

лестнице. Лишиться милости принца означало лишиться всего.

К вечеру Цзи Линьси отправился за новой порцией крови молодого господина Вана и подношениями для ритуала — жареной уткой и молочным поросенком. В Павильоне Цзюньцзы по-прежнему «бродили призраки», и обычные люди боялись туда заходить, так что всё время «борьбы со злом» легло на плечи даоса.

Всего за несколько дней Ван Хэ отдал уже шесть чаш крови. Его лицо стало мертвенно-бледным, а тело била лихорадка. Если ещё вчера он мог кое-как держаться на ногах, то сегодня уже не в силах был подняться с постели.

Линьси с холодным спокойствием наблюдал за тем, как лекарь вскрывает вену на руке повесы. Но стоило Ван Хэ с трудом поднять на него взгляд, как лицо даоса тут же приняло выражение глубочайшей озабоченности.

— Готово, — негромко произнёс лекарь.

Линьси взял чашу с кровью.

— Даос Чу... — слабо позвал его Ван Хэ, едва не плача. — Неужели правда нельзя обойтись без этого завтра и послезавтра?

Линьси напустил на себя вид человека, погруженного в тяжкие раздумья, и спустя минуту нерешительно проговорил:

— Способ-то есть, но...

Глаза Ван Хэ мгновенно лихорадочно заблестели:

— Скорее... говорите! Я... я добавлю вам еще тысячу лянов серебром.

— Видите ли, — начал Линьси, — ранее я заметил, что в этом поместье скопилось слишком много тёмной энергии обиды. Смерть одной лишь девицы не могла вызвать такой сильный гнев духов. Молодой господин Ван, признайтесь, совершала ли ваша семья иные дела, способные разгневать Небеса и людей?

Никто не знал о своих грехах лучше самого Ван Хэ. Его лицо стало ещё белее прежнего.

— Я...

— Если вы не желаете говорить, я не стану настаивать, — отрезал Линьси. — Но тогда кровь придётся пускать по-прежнему.

Если так пойдет и дальше, он действительно испустит дух!

Услышав это, Ван Хэ окончательно пал духом. Отбросив осторожность, он выгнал лекаря и слуг вон. Глядя на Линьси, он начал дрожащим голосом изливать правду о злодеяниях своих домочадцев.

Он рассказал о том, как его мать замучила до смерти двух прекрасных наложниц отца. Рассказал о похищенных им самим женщинах — некоторых он «нечаянно» убил в порыве страсти, других забил до смерти во время «наказаний». Также гибли и слуги, если он бил их слишком сильно.

Выслушав этот поток признаний, Линьси спросил:

— И где же вы их похоронили?

— Зачем даосу это знать? — Ван Хэ всё же не был окончательно лишен рассудка; в его взгляде мелькнуло подозрение.

Одно дело — пустые слова, не подкрепленные доказательствами. Но если указать место захоронения, это станет неоспоримой уликой.

Заметив его настороженность, молодой даос безразлично отвел взгляд:

— Раз так, я не смею более задерживать. Приду завтра за новой порцией крови. Отдыхайте, господин Ван, ваше тело сейчас крайне истощено.

С этими словами он взял чашу и направился к выходу, всем своим видом показывая, что его ничуть не заботят чужие тайны.

Увидев, что тот уже стоит на пороге, Ван Хэ стиснул зубы:

— Пойдите!

На лице Линьси промелькнула хитрая улыбка, но когда он обернулся, его облик снова был преисполнен отрешенности.

Цзи Линьси с детства боролся за жизнь, оттачивая ум в бесконечных интригах. Мог ли этот изнеженный дурак, в голове которого была лишь похоть, тягаться с ним в хитрости?

— Вам не стоит принуждать себя, — мягко сказал Линьси. — Мне вовсе не обязательно это знать. Просто через пару дней кровопусканий я и так справлюсь с этим мстительным духом.

— Я скажу... только объясните, зачем вам эти места? — Ван Хэ был на грани полного истощения, его дух был сломлен.

Он никогда не чувствовал себя таким жалким — словно скотина на убое, которая весь день лежит и ждет, когда придут за её кровью.

— Чтобы усмирить обиду, — Линьси привычно извлек на свет свой излюбленный предлог. — Как и в случае с той девушкой: зная место её гибели, я могу провести ритуал и рассеять тьму. Кровь нужна для того же. Если мы найдем иной путь воздействия на духов, пускать кровь больше не придется.

Затуманенный разум Ван Хэ уже не мог анализировать слова даоса. Всё это показалось ему логичным, и он, едва дыша, поведал обо всех тайных могилах. Он упомянул и тот запертый двор, где держал похищенных женщин — в колодце на его территории покоились тела ещё двоих несчастных.

Линьси запомнил каждое слово.

— Завтра я не приду за вашей кровью, — пообещал он.

Завтра он придет за его жизнью.

Покинув покои Ван Хэ, Линьси пребывал в прекрасном расположении духа. Стоило ему проверить указанные места и найти останки — и доказательства, показания и улики будут у него в руках. Семья Ван будет стерта с лица земли.

«До чего же глупы», — покачал он головой.

То, что столь скудоумные люди владели таким огромным богатством, лишь подтверждало, как важна надежная опора за спиной. Но если ты сам непроходимый идиот, никакая опора не спасёт. Неужели этот богатый дом не рухнет в один миг?

Когда чей-то интеллект не соответствует размеру его состояния, однажды это состояние покинет владельца, потребовав при этом плату в двойном размере.

В ту ночь Цзи Линьси так и не сомкнул глаз.

Зимние ночи были суровы, но он был слишком занят, осматривая места, указанные Ван Хэ. В детстве, скитаясь по улицам, он выжил лишь благодаря воровской сноровке и хитрости. Его движения были быстры и бесшумны. Те, кто ловил его в те годы, порой жалели мальчишку и отпускали, подав милостыню; другие же жестоко избивали и вышвыривали за городские ворота.

Но он не умер. Он выжил вопреки всему лишь для того, чтобы однажды занять место под солнцем. Он часто вспоминал одного богатого господина, которого видел в детстве: тот был весь в золоте и шелках, окруженный толпой преданных слуг. А в объятиях господина томилась красавица, и вид у него был самый что ни на есть счастливый.

Ещё тогда маленький попрошайка подумал:

«Настанет день, и у меня будут и власть, и богатство. И я тоже буду сжимать в объятиях красоту»

<http://bllate.org/book/15344/1372724>